

ОТ ПРИГЛАШЁННОГО РЕДАКТОРА

Современная «продвинутая» урбанистика оказывается отображением той стилистики существования, в которой ускоренное развитие стало стратегией *Große Transformation*. Если мир вокруг нас не ускоряется, значит, он «отстаёт» и «выпадает» из современности. В данной логике урбанистика продолжает работать. Выразительным примером является урбанизация Тель-Авива и его агломерации в последнее десятилетие: исторический Тель-Авив, представлявший собой экзотический симбиоз арабских поселений, ранней еврейской урбанизации первых десятилетий XX века с компактными дворами и острохарактерными ориентальными мотивами школы Бецалель, с огромными анклавами геометрической архитектуры Баухауза 1920–1930-х годов, постепенно уступает место высотной и высокотехнологической среде небоскрёбов.

Интересны социокультурные последствия новой волны радикальной модернизации. Небоскрёбы с их прекрасными видами из умных офисов и апартаментов резко трансформируют социокультурную ситуацию центра. В новых, исключительно выразительных по формообразованию сооружениях, апартаменты приобретали состоятельные выходцы из Америки и Европы, сотрудники хай-тека, селебрити. Интересным визуальным феноменом Тель-Авива стало своеобразное визуальное наслаивание одних двадцатых на другие: новая высотная среда 2020-х выросла в окружении исторического модернизма 1920–1930-х годов, образуя выразительные визуальные соотношения. Однако социальный характер центра резко трансформировался. Именно под воздействием новой урбанистики общая стоимость аренды в центре, даже в старых кварталах 1920-х, резко выросла. Студенчество и молодёжь начали понемногу выезжать из этих мест, и новый социокультурный портрет города пока не ясен...

В этой ситуации скоростной борьбы урбанистики за современность искусство выполняет особенную миссию. Оно становится своеобразной паузой в урбанистическом потоке, пространством созерцания и медитации. Искусство выполняет ещё одну существенную функцию в современной ситуации. Скоростная урбанистика во многом бес-смысленна, она несёт *Bedeutungen* технологии, комфорта и обновления. Искусство становится, говоря языком М. Хайдеггера, «собранием» смыслов в городе, оно сохраняет смысл «городского мира» в ситуации изменчивости.

Голос искусства в этой ситуации дуалистичен. Объекты современного искусства входили, «врывались» в современный город через художественную интервенцию, разблокировку конвенциональных смыслов и на определённом этапе тоже были формами эстетизированного варварства. Сигналом примирения города и современного искусства стали *Les Deux Plateaux* Даниэля Бюрена, установленные в 1986 году во внутреннем дворе парижского Пале-Рояля. Эта монументальная композиция, контекстуальная и концептистская одновременно, вызвала протесты и художественного авангарда, и парижских обывателей. Она означала «примирение» современного искусства с буржуазной действительностью – монументальное творение художника было реализовано в виде госзаказа в одном из самых репрезентативных официальных пространств Парижа, внутреннем дворе Министерства культуры.

А между тем инсталляция – интервенция Бюрена представляла детально продуманное творение. Оно контекстуально, имитируя ритм регулярного парка,

некогда бывшего в этом пространстве, полосатые основания Бюрена соотносятся с ордерным ритмом классицистической архитектуры Пале. Впрочем, серьёзные смыслы здесь карнавализованы – пространство задумано как удобная площадка для детских игр, и таким образом классицистическая основа становится воротами для футбола.

Художественное пространство пост-советской урбанистики складывалось в иных условиях. Прежде всего, опыт ленинского плана монументальной пропаганды, сформировал особенный характер городской среды, с большими открытыми пространствами, увенчанными монументами, подавляюще доминирующими над человеческим присутствием. Публичные плац-парады – наследие градостроительства Российской империи, человек испытывает страх по отношению к этим большим тёмным пространствам, о чём свидетельствует русская словесность XIX века. Именно в такую городскую среду, сочетающую триумфальные пространства с неорганизованными, но уютными средами советских урбанистических маргиналий, предстояло вкомпоноваться новому урбан-арту и публичному искусству в конце XX – начале XXI века.

Импульс развитию художественных пространств в российской урбанистике дала программа креативных индустрий. Внедрение креативного сектора в пространство провинциальных российских городов действительно содействовало в 2010–2020-е преодолению депрессивного образа провинции. Например, в Туле – городе знаменитых заводов, застроенному в советский период типовыми кварталами, с разрушающейся средней зоной XVIII–XIX веков, креативные пространства обозначили два новых полюса – набережную напротив Тульского Кремля, обыгранную новыми выразительными малыми архитектурными формами и арт-дизайном на фоне отреставрированных красочных фасадов тульских заводов, и креативную зону от Ликерки (лофта с многочисленными магазинами дизайнерской продукции и культурными хабами) до Фонда искусств с крупнейшим Аквапарком. Эти креативные пространства сформировали среду нового стиля жизни с активными элементами арт-дизайна и современного искусства на маргиналии средней зоны Тулы, оставив центр города в его советско-провинциальном строе.

Внесёт ли современное искусство «новое измерение» в пост-советскую урбанистическую культуру, как это произошло в последние десятилетия XX века в западной урбанистике, где сопряжения современного искусства, public art и зарождающихся креативных пространств изменили «онтологию» города?

Готова ли одна из старейших площадок европейской урбанизации – Беларусь, к новому урбанизму, к слиянию города, искусства и пространства? В этом плане интересно проследить ситуацию Минска. В XX веке основные усилия по развитию Минска концентрировались на образе центра – statement страны или республики. Новые художественные пространства формируются сегодня скорее не в центральной зоне, а на периферии города. Ландшафтно-скульптурная композиция «Море рядом» в жилом квартале «Пирс» (1920), созданная скульптором Константином Селихановым и архитектором Юрием Градовым, стала основным акцентом ландшафтно-жилого комплекса, расположенного в центре Минской агломерации. Пластические образы как бы продвинули образы морского берега в центр кондоминиума. «Море рядом» – выдающийся пример того, как современное искусство становится фактором образа не столько городского центра, но всей новой раскрытости границ современного города в ландшафт и регион. Будущее современного

искусства в городе – прежде всего в формировании непрерывной урбанизированной агломерации, разыгрывание её связей с ландшафтами и культурой.

...Урбанистическая идиллия Тель-Авива неожиданно оборвалась утром 7 октября 2023 года. С территории сектора Газа выпустили тысячи ракет по Израилю, после которых начались атаки и зверства радикальных палестинских движений ХАМАС и «Исламский джихад». Тель-Авив опустел. Тель-Авивская урбанистическая цивилизация, с её изысканными формами, очень человечными и дружественными пространствами «нижнего яруса» – субшафта и выразительными силуэтными построениями – оказалась хрупкой игрушкой, из степени «стабильной» перешедшая в разряд «эфемерной», могущей исчезнуть в мгновение ока. В этом трагическом столкновении «степи» и «культуры» урбанизация неожиданно вновь обретает свой первичный смысл, а именно является грандиозным и хрупким воплощением человеческого здесь-бытия, вынужденного противостоять бесконечному миру варварства.

Настоящий выпуск журнала создан по материалам II Международной научно-практической и творческой конференции «Искусство и современный город», организованной 3–4 октября 2022 кафедрой искусств и средового дизайна факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. Статьи и исследования, вошедшие в настоящую коллекцию, прорисовывают различные аспекты современного города, искусства и смысла среды. В исследованиях О. Д. Баженовой и Т. Г. Румянцевой проясняется формирование смыслоносущих образов и структур города. И. Я. Мацевич-Духан показывает формирование нового смысла урбанистичности под воздействием креативных пространств. В статье Б. Н. Паньшина анализируются трансформации городской среды и угрозы в контексте имплементации цифровой культуры и искусственного интеллекта. Н. С. Зелезинская раскрывает движение литературного образа города от бинарного конфликта к ситуации сложности. В работе Е. В. Моховой на примере соотношения городского и загородного образов жизни и их отображении в архитектуре в контексте трансляции трактата Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре» в последующей традиции показывается, как формировался исторический контекст того явления, которое в XX веке будет определено как городская агломерация с её многообразием жизненных укладов.

Проф. И. Н. Духан (Беларусь)

FROM GUEST EDITOR

Contemporary “advanced” urbanism turns out to reflect a style of existence in which accelerated development has become a strategy of *Große Transformation*. If the world around us is not accelerating, then it is “lagging” and “falling out” of modernity. In this logic, urbanism continues to work. An expressive example is the urbanization of Tel Aviv and its agglomeration in the last decade. Historic Tel Aviv, which was an exotic symbiosis of Arab settlements, early Jewish urbanization of the first decades of the twentieth century, with compact courtyards and sharp oriental motifs of the Bezalel school, with huge enclaves of geometric Bauhaus architecture of the 1920s and 1930s, is gradually giving way to a high-rise and high-tech environment of skyscrapers. The socio-cultural implications of this new wave of radical modernization are interesting.

Skyscrapers with their beautiful views from smart offices and apartments dramatically transform the socio-cultural situation of the center. In the new, extremely expressive buildings, apartments were purchased by wealthy people from America and Europe, high-tech workers, and celebrities. An interesting visual phenomenon of Tel Aviv was the peculiar visual layering of the twenties on top of the others. The new high-rise environment of the 2020s grew amid the historical modernism of the 1920s and 1930s, forming expressive visual correlations. However, the social character of the center was dramatically transformed. It was under the influence of New Urbanism that the overall value of rents in downtown, even in the older neighborhoods of the 1920s, increased dramatically. Students and young people began to move out of these areas little by little, and the new sociocultural portrait of the city is not yet clear...

In this situation of high-speed struggle for modernity, art fulfills a special mission. It becomes a kind of pause in the urban flow, a space of contemplation and meditation. Art fulfills another essential function in the contemporary situation. High-speed urbanism is largely meaningless, it carries the Bedeutungen of technology, comfort, and renewal. Art becomes, in the words of M. Heidegger, a “gathering” of meanings in the city; it preserves the meaning of the “urban world” in the situation of changeability.

The voice of art in this situation is dualistic. Objects of contemporary art entered, “burst” into the modern city through artistic intervention, unlocking conventional meanings, and at a certain stage were also forms of aestheticized barbarism. A signal of reconciliation between the city and contemporary art was Daniel Buren’s *Les Deux Plateaux*, installed in 1986 in the courtyard of the Palais-Royal in Paris. This monumental composition, contextual and conceptual at the same time, provoked protests from both the artistic avant-garde and Parisian citizens. It signified the “reconciliation” of modern art with bourgeois reality – the artist’s monumental creation was realized in the form of a state commission in one of the most representative official spaces of Paris, the courtyard of the Ministry of Culture.

Meanwhile, Buren’s installation-intervention represented a detailed creation. It is contextualized, imitating the rhythm of the regular park that once existed in this space; Buren’s striped bases correlate with the orderly rhythm of the Palais’ classicist architecture. However, serious meanings are carnalized here – the space is conceived as a convenient playground for children, and thus the classicist base becomes a goal for soccer.

The artistic space of post-Soviet urbanism was formed under different conditions. First of all, the experience of Lenin’s plan of monumental propaganda, formed a special character of the urban environment, with large open spaces crowned with monuments

overwhelmingly dominating the human presence. Public plaza parades are a legacy of urban planning in the Russian Empire, and humans feel fear towards these large dark spaces, as evidenced in nineteenth-century Russian literature. It was in such an urban environment, combining triumphal spaces with the disorganized but cozy environments of Soviet urban marginalia, that new urban art and public art were to be incorporated at the end of the 20th and beginning of the 21st century.

The impetus for the development of art spaces in Russian urbanism was given by the creative industries program. The introduction of the creative sector into the space of provincial Russian cities helped to overcome the depressive image of the province in the 2010–2020s. For example, in Tula, a city of famous factories, built in the Soviet period in typical quarters, with a deteriorating middle zone of the XVIII–XIX centuries, creative spaces have marked two new poles – the embankment in front of the Tula Kremlin, played with new expressive small architectural forms and art design against the background of restored colorful facades of the Tula factories, and the creative zone from Likerka (a loft with numerous stores of designer products and cultural hubs) to the Arts Foundation with the largest Aquapark. These creative spaces formed an environment of a new lifestyle with active elements of art design and contemporary art on the margins of Tula’s middle zone, leaving the city center in its Soviet-provincial structure.

Will contemporary art bring a “new dimension” to post-Soviet urban culture, as it happened in the last decades of the twentieth century in Western urbanism, where the juxtaposition of contemporary art, public art, and emerging creative spaces changed the “ontology” of the city?

Is one of the oldest sites of European urbanization, Belarus, ready for new urbanism, for the fusion of city, art, and space? In this respect, it is interesting to trace the situation of Minsk. In the twentieth century, the main efforts to develop Minsk were concentrated on the image of the center – the image of a country or republic. New artistic spaces are formed today rather in the periphery of the city than in the central zone. The landscape and sculptural composition “The Sea is Near” in the residential quarter “Pierce” (1920), created by sculptor Konstantin Selikhanov and architect Yuri Gradov, became the main accent of the landscape and residential complex located in the center of the Minsk agglomeration. The plastic images advanced the images of the seashore into the center of the condominium. “Sea Nearby” is an outstanding example of how contemporary art becomes a factor of the image not so much of the urban center, but of the whole new opening of the borders of the modern city into the landscape and region. The future of contemporary art in the city is primarily in the formation of a continuous urbanized agglomeration, playing out its connections with landscapes and culture.

...The urban idyll of Tel Aviv ended abruptly on the morning of October 7, 2023. Thousands of rockets were fired from the Gaza Strip into Israel, followed by attacks and atrocities by the radical Palestinian movements Hamas and Islamic Jihad. Tel Aviv has emptied. Tel Aviv’s urban civilization, with its exquisite forms, very human and friendly spaces of the “lower tier” – the sub-scape and expressive silhouette constructions – turned out to be a fragile toy, from the degree of “stable” to the category of “ephemeral”, which can disappear in the blink of an eye. In this tragic clash between “steppe” and “culture”, urbanization suddenly regains its primary meaning, namely as a grandiose and fragile embodiment of the human here-being forced to confront the endless world of barbarism.

This issue of the journal is based on the proceedings of the 2nd International Scientific and Creative Conference “Art and the Modern City”, organized on October 3–4, 2022 by the Department of Art and Environmental Design of the Faculty of Sociocultural Communications of the Belarusian State University. The articles and studies included in this collection draw out various aspects of the modern city, art, and the meaning of the environment. The studies by O. D. Bazhenova and T. G. Rummyantseva clarify the formation of meaning-bearing images and structures of the city. I. Ya. Matsevich-Dukhan examines the formation of a new meaning of urbanity under the influence of creative spaces. B. N. Panshin’s article analyzes the transformation of the urban environment and threats in the context of the implementation of digital culture and artificial intelligence. N. S. Zelezinskaya reveals the movement of the literary image of the city from a binary conflict to a situation of complexity. In the work of E. V. Mokhova, the example of the correlation of urban and suburban lifestyles and their representation in architecture in the context of Andrea Palladio’s treatise “Four Books on Architecture” in the subsequent tradition shows how the historical context of the phenomenon, which in the twentieth century will be defined as urban agglomeration with its diversity of lifestyles, was formed.

Prof. Igor N. Dukhan (Belarus)